

А.В. Зернин

**ЖЕНИТЬБА
ДОКТОРА
ПОВОЛЖИНА**

Александр Владимирович Зернин

Женитьба доктора Поволжина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24918085

Женитьба доктора Поволжина: Лепта Книга; Москва; 2012

ISBN 978-5-91173-294-3

Аннотация

Что делать новобрачным после того, как торжественное венчание позади, свадебный обед с танцами завершен, гости разъехались, а все подарки доставлены в новую квартиру? Герой повести Николай Иванович Поволжин думал, что знает ответ на этот вопрос, но из-за властной, скандальной тещи-богомолки оказался в трагикомической ситуации. На помощь доктору Поволжину пришли кухарка Лукерья – воплощенная житейская мудрость народа, чуткий духовник батюшка Никодим и веселая тетушка Алла Степановна. Сумеет ли доктор выпутаться из тенет ханжества и эгоизма и обрести супружеское счастье?

Юмор здесь умело сплетен с насущными проблемами, нисколько не потерявшими актуальности, хотя книга была написана много десятилетий назад. Ее автор – замечательный, незаслуженно забытый писатель Русского Зарубежья.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Содержание

Вино любви и уксус фарисейства (предисловие редактора)	5
Женитьба доктора Поволжина (Истинное происшествие)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Зернин
Женитьба доктора
Поволжина

© ООО «Издательство «Лепта Книга», 2012

* * *

Вино любви и уксус фарисейства (предисловие редактора)

Когда ко мне в руки попала повесть «Женитьба доктора Поволжина», я невольно поразились актуальности проблем, поднятых в тексте, их удивительной созвучности состоянию сознания современного православного человека. Прямо-таки калька с действительности, продолжающая славные традиции Гоголя, Чехова и Салтыкова-Щедрина.

«Женитьба...» была написана в 50-х гг. прошлого века в Русском Зарубежье. Сюжет относится к еще более раннему времени – периоду между 1905 и 1914 годами. Однако многие моменты повествования поразительно напоминают эпоху нашу с вами, т. е. сто лет спустя. Хотя... не лучше ли будет признать, что автор удачно раскрыл человеческие типы, показал черты характера и категории мышления, существующие в русских людях независимо от эпохи? Кроме того, проблемы двух порубежных эпох (конца XIX – начала XX вв. и конца XX – начала XXI вв.) зачастую настолько схожи внутренне, словно мы живем на средокрестье не двух, а трех веков.

В центре сюжета «Женитьбы доктора Поволжина» – ситуация хотя и трагикомическая, но лишь на первый взгляд надуманная. Да, канули в Лету времена, в которые молодые

девушки выходили замуж, не имея ни малейшего представления о физиологической стороне супружества. Но духовные и психологические основы тех проблем, которые подняты в повести, остались. И, поскольку эти основы лежат не на поверхности, их, быть может, еще труднее обнаружить, осознать и правильно разрешить.

Примечательно, что, когда я готовила эту книгу к печати, мне пришлось столкнуться с критикой со стороны коллег по цеху: дескать, такое произведение не может выйти в православном издательстве, ведь оно-де совершенно несправедливое. И даже в светском издательстве «Женитьбу доктора Поволжина» печатать нельзя, хотя бы потому, что типы людей, которые в ней описаны, никогда не видят собственных ошибок и не способны исправиться.

Но мне было совершенно очевидно: такая книга выйти должна, и при том непременно в православном издательстве. Ибо, появившись она в светском, это означало бы: «Вот, все православные такие, как мать главной героини!» А выпущенная от имени православных людей, «Женитьба...» должна была бы «сказать»: «Нет, не все православные такие». Книга оказалась бы по тону скорее сожалеющей об ослеплении персонажа грехом фарисейства. Ведь доминанта повести – обличение греха, а не грешника (точнее, грешника тоже – но лишь в той мере, в которой он сросся со своим грехом до полного поглощения, до полного нежелания увидеть и осознать его, постараться исправить). Ведь подлинные грешни-

ки – это прежде всего *духовно немощные* люди, считающие себя сильными, здоровыми и праведными.

В центре повествования – трагикомическая семейная коллизия, которая рисковала бы скатиться на уровень провинциального водевиля или комедии положений, если бы не одно обстоятельство. Вернее, один персонаж – мать главной героини. Ольга Петровна Мордовцева – не просто властная женщина, не желающая отпускать от себя совсем еще юную дочь, которую только что выдала замуж. Ольга Петровна, как мы сказали бы сегодня, воцерковленная православная. (В начале прошлого века такого термина, разумеется, не существовало, хотя существовала сама воцерковленность и ее различные степени у различных людей. А в выражениях того времени Ольга Петровна – «богомолка».) С первых же страниц мы убеждаемся, что она одержима одним из самых распространенных среди православных (особенно среди женщин) духовных недугов – фарисейством. Эта-то особенность Ольги Петровны и служит подлинным стержнем, главной проблемой повести. А заодно и призмой, сквозь которую критически пропускается и мир героев, и мир читателей.

В чем обычно «заключается» воцерковление, вернее, что мы вкладываем в это понятие (и вкладывает героиня повести)? Воцерковление в том, чтобы человек был *как все* (т. е. все воцерковленные, конечно): по воскресеньям приходил в храм, регулярно исповедовался и причащался, соблюдал

посты, читал утренние-вечерние правила, три канона перед Причастием и *все, как положено*. О чем священник обычно спрашивает человека на исповеди? О том же! «Читаете ли утренние и вечерние правила?» «А посты соблюдаете? А к Причастию готовились?» Но вот вопрос, как живет человек по Евангелию, не задается вообще! Даже не осмыслиется никем – ни священниками, ни народом Божиим. И это одна из величайших проблем, существующих в церковной жизни, – и сто, и двести лет назад, и теперь. И именно из этого корня произрастает недуг фарисейства!

Так в чем же суть этого страшного духовного состояния, которое, как кривое зеркало, искажает взгляд на мир и уродует не только самого «фарисея фарисеевича», но и окружающих его людей? Чем так опасно лицемерие, старательно придерживающееся внешних форм? Прежде всего, разумеется, тем, что «православный фарисей», восприняв в Православии всё, не воспринимает, не понимает и не переживает главного – *любви*. Именно в отсутствии любви – в первую очередь любви к Богу – и кроется первопричина той неискренности, того лицемерия и двоедушия (или даже бездушия), того ханжества, сосредоточения на внешнем в ущерб внутреннему, «сокровенному сердца человеку», в конечном счете – самоправедности.

Сегодня мы часто говорим о нехватке любви в обществе, у людей (даже православных), о повальной формализации всего в Церкви. Но ведь источником любви является Сам Хри-

стос! А Христос с нами говорит через Евангелие, а это и есть источник любви, источник той науки любви, которая только одна нас может научить чему-то. Ни утреннее-вечернее правило, ни посты, ничто другое любви не учат! Соблюдение внешних норм поддерживает в человеке горение любви, дает возможность опереться на что-то в нашем движении к любви, формирует внутреннюю дисциплину для того, чтобы, шествуя к любви (Любви! – Христу), не сбиться с пути, но самой любви не учит! И поэтому, когда мы говорим, что происходит оскудение любви, мы должны понять: оскудение происходит от того, что Евангелие отделилось от нашей жизни и оказалось где-то на периферии сознания. От того, что мы не воспринимаем слова Евангелия как обращенные лично к нам и не стремимся их исполнять.

Ведь исполнять гораздо легче внешние обряды, не проникая в их суть ни умом, ни сердцем. Но такая обрядовость – без любви, без Евангельской любви – ложь и лицемерие, ибо она пуста, как ненужный сосуд с трещиной, из которого вытекли *Вода живая, Вино Любви, елей милости*. Вытекли... или скорее не наполняли этот сосуд никогда. Ибо сам сосуд не знает, что такое Вода живая, Вино Любви, елей милости. Сосуд полагает самого себя самодостаточным и не может помыслить, что слеплен-то он был исключительно для того, чтобы наполниться водой, вином, маслом и содержать, *хранить* их внутри себя. А пустой сосуд – вещь ненужная. Он не исполняет своего предназначения.

Человек – это живой сосуд, который не просто хранит, но и приумножает *туне полученную* им воду, вино, елей. Человека можно уподобить лампаде или тем светильникам, которые были в руках у десяти дев, вышедших в ночи навстречу жениху (см.: Мф. 25, 1). У пяти из них, как известно, не достало в таком светильнике масла – добрых дел. Не могли они, по слову апостольскому, показать веру свою от дел своих (ср.: Иак. 2, 18), ибо не творили дел веры и любви не имели.

Главная добродетель веры – любовь к Богу – у фарисея отсутствует, хотя декларируется. Следовательно, отсутствует и любовь к ближнему, хотя она тоже заявляется и появляется, но в столь искаженной форме, что оказывается уже не любовью, а ее демонической изнанкой, гордой ненавистью по отношению к людям. Чистый источник загрязняется ядом. Самые яркие обличения человеконенавистничества фарисеев находим мы у Свв. Отцов, особенно в великопостных поучениях. «О как велик ты, день поста! – восклицает прп. Ефрем Сирин. – Блажен, кто проводит тебя, как должно. Всякий, кто подчиняется тебе, на крыльях возносится на небо. Но кто, постясь, ненавидит брата своего, тот пред Богом то же, что предающийся объедению, потому что он исполнен обмана и ненависти и утратил любовь нашего Господа. Кто постится и гневается и таит в сердце своем вражду, тот ненавидит Бога, и спасение далеко от него». Равно и свт. Иоанн Златоуст в своих проповедях на Великий пост обличал тех, кто

отказывается от едения мяса, рыбы и птицы, но при этом сладострастно поедает ближнего. И эта проблема повсеместна! Сколько людей, позиционирующих себя православными, мучают близких и просто знакомых своими фокусами и нетерпимостью, бесконечными попытками ввести всех в удобные рамки постов и утренних-вечерних правил!.. А потом яростно обвиняют окружающих в том, что те искушают и вводят в ярость, гнев и злость их, несчастных «праведников», вынужденных терпеть гниль и суету безбожного мира!..

Так и Ольга Петровна Мордовцева. Несомненно, она не пропускает ни одного постного дня, ни одной праздничной и воскресной Литургии. Но зато осуждение, презрение и деятельная нелюбовь к окружающим бьют из нее, что называется, фонтаном. Особенно достается ближайшим родственникам: мужу – «дураку», золовке – «развратнице», дочери – «дитяти неразумной и ничего не понимающей, которую все хотят совратить и сбить с пути истинного», наконец, несчастному зятю, главному герою повести доктору Николаю Поволжину. Последний, едва обвенчавшись с Викой Мордовцевой, немедленно зачисляется ее маменькой в презираемый круг «похотливых кретинов», к которому, по мнению «благочестивой матроны», принадлежат все мужчины. Фурия Ольга Петровна становится сладкоголосой птичкой лишь со священником – человеком, перед которым она лебезит... впрочем, лебезит только до известных пределов и единственно потому, что придется ему в чем-то потом каяться на испове-

ди. Как только мнение о. Никодима, основанное на учении Святых Отцов (на которых он прямо и ссылается), начинает идти вразрез с капризами и иллюзиями Ольги Петровны, она немедленно вступает в яростный спор.

Особенно это касается «полового вопроса». И здесь автор опять-таки нащупывает болевую точку, актуальную в любую эпоху, и особенно – сегодня, спустя более чем полвека после первой публикации повести. Тема плотской любви в христианстве – одна из самых тонких, сложных и одновременно – закрытых, ошельмованных, чаще других понимаемая и толкуемая неправильно (порой и священнослужителями). Мы живем в безнравственную эпоху, в эпоху «свершившейся сексуальной революции», когда понятие греха практически утрачено, а чистота вызывает скорее насмешку, чем уважение и благоговение. Напомним, что в начале XX века, когда происходит действие повести, ситуация была ненамного лучше: нравы, особенно в больших городах, тоже были весьма распушенными, постоянно росло число супружеских измен, разводов, растлений невинности. Поэтому пуританская строгость Ольги Петровны, которую она внушает дочери, на первый взгляд понятна. Но как только мы обнаруживаем, что «воспитание», полученное в данном случае Викой, приводит сперва к смехотворным и нелепым ситуациям, а вскоре – к обоюдным незаслуженным страданиям молодых супругов, впору задуматься.

В наше время трудно представить себе девушку, которая

не просто сохранила чистоту до свадьбы (это, между прочим, является нормой!), но и осталась до венчания в неведении, что же происходит между мужем и женою наедине. Да, такая героиня – анахронизм. Но вот девица морально незрелая, инфантильная, искренне вслед за маменькой уверенная в том, что блудом являются не только незаконные половые отношения, но и физическая любовь в венчанном браке, – образ вполне реальный. И прежде всего такие особы встречаются в православной среде! Подобное ханжество прямо противоречит святоотеческому учению, осуждающему тех, кто гнушается супругом. Но оно, ханжество – всего лишь очередное проявление многогранной и ветвистой духовной болезни фарисейства и точно также проистекает от недостатка любви (или даже ее полного отсутствия).

Ибо основа супружеской близости, как и всей семейной жизни, – любовь. Об этом мы как-то прочно забыли. Более того, семья по определению – это школа любви, причем любви в полноте духовного, душевного и телесного! Дикая мысль об изначальной греховности любой физической близости появилась сравнительно поздно, и не в России, не на Православном Востоке, а на католическом Западе, в среде celibатного духовенства, где первоначальное стремление «исказить себя ради Царствия Небесного», постепенно оторвавшись от Бога, приобрело самодовлеющее значение. Духовенство же православное, как мы знаем, может быть женатым, «белым» – и такие священники встречаются намного

чаще, чем священники-чернецы (т. е. монахи). Можно добавить, что в первые века христианства женатым был и епископат – во-первых, потому, что люди были чище, во-вторых, потому, что паствы на одного епископа приходилось немного, а в-третьих и в самых-главных – потому, что целомудрие в супружестве, когда у одного мужа – одна жена, и у жены – один муж, не менее ценно в очах Господа, чем монашество и девство. Как справедливо отмечает выдающийся современный публицист и проповедник прот. Андрей Ткачев, «правильное религиозное сознание не засушивает человека, не делает его скопцом или изувером. Оно направляет человека на единственно прямой, царский путь, пролегший между различными крайностями».

Невозможно скрыть от Бога любовь (как и вообще невозможно от Него что-либо скрыть). А любовь – это такое чувство, которое, как никакое другое, может и возвысить, преобразить человека, но может и унижить, изуродовать. Так и половые вопросы. Вообще, для Церкви вся проблема таинственности отношений между мужчиной и женщиной имеет особую значимость. По причине глубокой интимности, таинственности и любовности взаимоотношений Ее, Церкви, с Христом. Он – Ее Жених. Именно это выпускают из виду всевозможные ольги петровны (обоих полов), изрекая к месту и не к месту, что «не выносят ужасного чувства похоти» и находят неприличным даже упоминание слов «брачное сожитительство», хотя речь идет о законном венчанном союзе!

Г-жа Мордовцева, в частности, обрывает священника, который цитирует Номоканон: «Мужам должно от жен воздержаться в посты и под праздники. В прочее время друг друга да не лишают». Она патетически причитает: «Вы поймите, отец Никодим, она так чиста, так невинна, а тут вдруг эта похоть. Такая грязь, такая пошлость» и упорно не желает услышать истинно христианского поучения батюшки: «Дочь ваша чиста и муж ее тоже чист. Ничего пошлого у них не будет».

Так же, как Церковь живет полнотой благодатной жизни, так и внутри брака есть своя полнота и чистота. Уже упоминавшийся прот. Андрей Ткачев, отвечая на вопросы прихожан, объясняет, что союз мужчины и женщины (в том числе плотской) в законном браке есть «взаимная нежность, готовность на жертву друг ради друга, мистическое единство, когда, по слову Христа, два суть плоть едина, ценны сами по себе. И близость супружеская – многогранна. Сравним с едой. Конечно, мы едим, чтобы двигаться, работать... то есть едим, чтобы получать энергию. Но ведь не только для этого, правда? Накрытый стол сопровождает всякое важное событие в жизни человека от рождения до смерти. Принятие пищи – это тайна, по сути. Совместная трапеза сближает. Так же можно думать и о браке. Муж и жена делят ложе не только функционально, как будущие отец и мать. Они уже сейчас нужны друг другу. Они нуждаются друг в друге. Они друг без друга не могут жить. Это ценно само по себе, без всякого сомнения». Здесь мы снова видим, что в основе отношений

мужа и жены – любовь, и только любовь.

Кстати, ее отсутствие и, как следствие, гнушение супругов друг другом могут привести к тяжелейшему греху – прелюбодеянию. Автор «Женитьбы доктора Поволжина» показывает и эту грань проблемы, причем удивительно тонко, изящно, целомудренно, как бы невзначай, явно рассчитывая, что думающий читатель дорисует недостающие части картинки и обязательно сделает правильные выводы.

Кроме уже перечисленных опасностей, отсутствие любви может быть чревато еще и тем, что все чаще приходится наблюдать в нынешней православной среде (и что ярко, гротескно, беспощадно, но не без любви, не без юмора, тем не менее показано в «Женитьбе доктора Поволжина»). Дело в том, что православные женщины склонны довольно часто игнорировать своих мужей не только в телесном, но и в духовном смысле. Это, конечно, взаимосвязанные вещи: человек трехсоставен (дух, душа, тело), и гнушение телом неизбежно приводит к гнушению как душевными запросами второй половины, так и духовными его потребностями и перспективами. Нынешние богомолки вроде Мордовцевой приходят к священнику «поговорить о семейной жизни» только за тем, чтобы получить инструкции: как бы ей получше мужем поруководить. Когда же батюшка решительно отвечает, что ни Священное Писание, ни Предание этого не разрешают, «Ольга Петровна» начинает выпытывать: «Ну, все-таки, может быть, можно, потому что я такая духовно продвину-

тая, а он такой отсталый?»

Это, конечно, тоже фарисейство – отсутствие любви. Женщине нет никакого дела до того, что ее муж и другие близкие – живые люди, которые могут простить многое и даже измену, но не могут простить, когда ими манипулируют, когда с ними обращаются, как с вещью. А манипулирование страшно не только тем, что глубоко и порой безнадежно ранит человека, но и тем, что *инфантилизует* его. В повести это произошло с Викой, которая ни шагу не ступала без указки матери, и наладить отношения с мужем, «вылечив» их обоюдную трагедию, помогло только высвобождение молодой женщины из детства. И взросление Вики стало возможно лишь благодаря горячей любви и огромному терпению доктора Поволжина.

В наше время чаще наблюдается инфантилизация мужчин. Из главы семьи муж ставится в положение ребенка. Причем ребенка-неудачника, безмозглого, нерадивого, нелюбимого. Но в любом случае большая часть вины за инфантильность близких лежит на женщине. Особенно часто так морально инвалидизируют членов своей семьи хваткие, властные, стремящиеся командовать, руководить, все контролировать дамы. Наверное, про таких особ А.А. Галич писал: «... бойтесь единственно только того, кто скажет: “Я знаю, как надо”». Эти слова современные женщины, особенно фарисейки, произносят постоянно. Но за ними, как ни парадоксально, стоит... все тот же инфантилизм. Оказыва-

ется, стремление всех и вся контролировать – одна из ярких черт женского инфантилизма.

Ведь чем характеризуется инфантилизм? В первую очередь неадекватной ответственностью – недостатком и нежеланием за что-то отвечать. Или – наоборот! За что человек может и должен отвечать? Только за то, что он действительно способен контролировать и изменять, за то, что в его власти: личные поступки, мысли, чувства, желания, отношения. Это адекватная ответственность. Если я перекладываю свою ответственность на других или беру на себя ответственность за чужие поступки, мысли и т. д. – это ответственность неадекватная. Так вот, женщины, все контролирующие, – это маленькие девочки, которые не доверяют миру, с одной стороны, и очень много о себе в то же самое время воображают: «если не они, то кто же?» Чувствовать себя причиной всего чрезвычайно присуще детям. Вырастая, человек учится адекватной ответственности, но, если этого не произойдет – из маленькой девочки вырастет этакая Ольга Петровна, которая под предлогом блага окружающих превратится в невыносимого домашнего тирана. Властная, контролирующая всех и вся женщина везде и всюду будет искать инструкцию: что ей делать, чтобы ее близкие стали более удобными для нее.

К сожалению, сейчас таких женщин в Церкви очень много. Причин тому несколько: это и тяжелейшая демографическая ситуация в России в XX веке, когда уничтожение муж-

чин приняло катастрофические масштабы, и женщине приходилось выживать в одиночку и одной же воспитывать детей. Это и целенаправленная политика тоталитарного советского государства. Современное общество стало инфантильным во многом под влиянием коммунистической идеологии. Десятилетиями у людей не было необходимости самостоятельно мыслить, брать ответственность за свою жизнь. Советское государство боялось хозяина, лидера, самостоятельного мужчины, ответственного за свой двор, улицу, город. Коммунистам нужны были послушные, податливые, инфантильные граждане, которым не надо принимать самостоятельно решения, которым все подадут и научат, как надо думать. Женщины оказались для государства в этом отношении лучше мужчин: ими удобнее руководить, как и удобно учить женщин руководить другими. Теперь эти советские женщины наполняют православные храмы, привнося в святые стены неправильный образ мышления, стремлений, действий. Они не приучены самостоятельно думать и принимать решения, и инфантильно ждут, что в Церкви их научат, что им нужно думать и как себя вести.

Воистину прав все тот же А.А. Галич: «Он врет! Он не знает, как надо!» В данном случае врет «она», инфантильная фарисейка типа Ольги Петровны. Ведь инфантильность – это нежелание искать смысл, развиваться. Поиски смысла – трудный и болезненный процесс. Инфантильный человек предпочитает закрыть глаза на стоящие перед ним пробле-

мы. Поэтому-то повесть «Женитьба доктора Поволжина» так важна для нас: ее проблематика гораздо шире темы фарисейства и материнской любви. Книга заставляет каждого из нас задуматься о том, какие мы православные, как нам перестать думать о себе и полюбить Бога и ближнего¹.

Дарья Болотина

¹ Выражаем Благодарность научным сотрудникам ДРЗ им. А.И. Солженицына А.С. Кручинину и А.А. Петрову за помощь в подготовке оригинал-макета книги.

Женитьба доктора Поволжина (Истинное происшествие)

Вкомнате Вики Мордовцевой царил не совсем обычный беспорядок, почти хаос, но такой праздничный, такой волнующий, захватывающе интересный. На столе раскрытые корбки с кружевами, воздушно легкая кисея фаты, белые и нежные, точно взбитые пена; лайковые перчатки до локтей, парчовые туфельки на стуле, и везде – цветы, цветы во всех углах, на стульях, на полу и даже на кровати. Две портнихи, склонившись над столом, что-то подкладывали и подшивали.

Распоряжалась беспорядком тетя Алла, смуглая брюнетка с завитками темно-бронзовых волос на лбу и на висках. Неторопливо прохаживаясь взад и вперед с папиросой в янтарном мундштуке, она низким контральто что-то приказывала горничной и портнихам, стряхивая пепел с папиросы в вазочку у зеркала на туалете.

У Вики сладко кружилась голова. Она точно не понимала, что все это происходит для нее. Она как бы совсем лишилась своей воли и покорно, без рассуждений, исполняла все, что ей указывали мать и тетка, горничная Аннушка и портнихи.

Мать невесты, Ольга Петровна, размякнув, беспомощно сидела в кресле и лишь иногда, взглядывая на иконы, кото-

рыми был увешан правый от двери угол комнаты, вяло повторяла: «Аннушка, поправь вон ту лампадку, или вот эту, а то, не ровен час, потухнет».

Вике только что исполнилось шестнадцать лет, а жениху ее, доктору Поволжину, – тридцать шесть.

– Имей в виду, что еще не поздно раздумать и отложить все эти приготовления для другого кандидата, подумай хорошенько, – говорила тетя Алла, – ведь я знаю, что ты блажишь. Какой же он тебе жених, – он тебе в отцы годится.

– Да, но он доктор и имеет средства содержать Вику в холе и довольстве, – ответила за невесту мать, – а молодые только хвостом вертеть, да на балах танцевать годятся. Какой от них прок? Николай Иванович – врач с клиентурой и джентльмен до кончиков ногтей. Ты что скажешь, дочка?

– Да, он джентльмен. Всегда приходит к нам в визитке, с цветами и конфетами, и от него так приятно пахнет мужскими духами.

– Какими же именно? – спросила тетя, закуривая новую папиросу.

– Ты не прожги невесте платья, – с беспокойством заметила мать, – нашла место курить.

– По-моему, гелиотропом, пополам с ванилью, в общем, чем-то вкусным, точно не духи, а что-то сладкое, – объяснила Вика.

– Ты еще дитя и ничего не понимаешь в ароматах, скажи, может быть, тебе кто-нибудь из мальчишек нравится? –

спросила тетя.

– Мне нравится немножко Коля Полюмов. Он такой задумчивый и мне стихи пишет.

– А ты это, пожалуйста, брось, – с испугом перебила мать, – от задумчивого толку не будет, выкинь из головы. Подумайте – стихи, этого еще не хватало. И потом он еще мальчишка, гимназии не кончил.

– Я тоже не кончила.

– Ты – другое дело. У тебя хрупкое здоровье. Сколько я переболела душой, когда ты ходила в классы, там сквозняки, постоянно открывают окна и вообще не смотрят за здоровьем.

– Но ведь я никогда не болела, один раз только был насморк, как раз, когда надо было ехать на елку к тете два года тому назад.

– Потому что я тебя берегу, оттого и не болела, – категорически отрезала мать. – Ну, начинай одеваться, уже пора.

Вика сбросила капотик и осталась перед зеркалом в своем детском лифчике и бумазейных панталонах, которые курдюком свешивались сзади.

– А где парижское белье, которое я тебе подарила? – спросила тетя.

– Мама говорит, что такое белье носят только кокетки, и заперла к себе в шкаф.

– Люси, милая моя! Какие мысли ты внушаешь Вике накануне свадьбы! – в ужасе воскликнула тетя Алла. – Ведь

этак ее муж сбежит от нее на другой же день.

– Алла... les gens, – кося глазами в сторону горничной и портних, сказала мать.

– Как ты думаешь, Аннушка? – без всяких обиняков спросила Алла горничную.

– Это дело господское. По мне барышня и так, в чем есть, хороша. Парижское или не парижское, нам все одно. Что Бог послал, то и ладно.

– Вика, не рассуждай, – сказала тетка, – достань белье, которое я тебе подарила к свадьбе.

Невеста со страхом взглянула на мать. Та сидела, упрямо поджав губы, и строго, в упор, смотрела на дочку.

– Мне стыдно, – после некоторого колебания смущенно сказала Вика, – мне кажется, что я буду совсем не я, если надену это.

– Ты портишь Вику, – сухо перебила мать, – не приучай ее к глупому франтовству, это не белье, а паутинка. Оно даже опасно для здоровья, можно простудить почки. Разве это не правда?

– Да, оно конечно, бумазея будет покрепче, – подтвердила Аннушка, – мы всегда носим бумазею.

– Вот видишь, это говорит народная мудрость, – обрадовалась мать, – надо прислушиваться к голосу народа.

– О, Боже! – воскликнула тетя Алла, поднимая руки к небу.

– Не устраивай сцены при людях, – обрезала ее мать неве-

сты, – и вообще прекратим разговор на эту тему: она слишком интимна.

В этот момент в дверь постучали и, приоткрыв ее чуть-чуть, выпалили громким шепотом:

– Николай Иванович приехал.

Невеста машинально дернулась к двери. Ей очень интересно было увидеть жениха во фраке и в цилиндре.

– Куда ты? – строго остановила ее мать. – В таком виде.

Вика сконфуженно замерла на месте.

– Алла, поди, займи его, пока не приехали шафера.

– Хорошо, только, ради Бога, не делай глупостей, – сказала тетя Алла, выходя в коридор.

– Я своей дочери не враг, – с важностью произнесла мать.

Алла ушла, хлопнув дверью.

Жених стоял посреди гостиной и улыбался своей особенной улыбкой, за которую его очень любили пациентки.

– Голубчик, Вику сейчас нельзя видеть. Совершается священнодействие: ее одевают.

– Знаю, знаю, это очень долго. Я с тем и приехал, чтобы своим присутствием в доме поторопить сборы, нехорошо заставлять гостей ждать долго.

Затянувшись папиросой, Алла быстрым взглядом скользнула по жениху. Она была одного с ним возраста и чувствовала себя сейчас как бы его сообщницей. Ей захотелось поговорить с ним откровенно.

– Скажите, доктор, вас не смущает разница лет между ва-

ми и невестой? В вашем случае она очень значительна.

– Любви все возрасты покорны, – нараспев ответил доктор.

– Не отвиливайте: я не об этом. Вы не старик и вообще молодец собой. Жаль только, что бородку не сбрили. Сейчас вам надо казаться как можно более молодым.

– Не хочу терять стиля – меня все знают в бороде.

– Будем держаться ближе к делу. Хотите папиросу? – Алла протянула доктору портсигар. – Я говорю, как друг, и вообще эта тема всегда меня интересовала, неравные браки... помните знаменитую картину?.. Тут есть одно обстоятельство, которое почему-то во внимание совсем не принимают. Ведь она вас слишком уважает, а уважение и... эти ласки... как-то несовместимы. Она вас просто испугается, когда вы, столь ею уважаемый человек, вдруг к ней... Интересно, как смотрят на это дело ваши коллеги-психиатры?

– Более или менее значительная разница в возрасте брачующихся случается очень часто, – сдержанно ответил доктор.

– Вы на меня не сердитесь. Ведь это очень важно. Меня всегда интересовал вопрос, почему умные люди делают глупости? С развращенной девчонкой, конечно, все обошлось бы сначала благополучно, а потом она вам изменила бы с первым встречным, но тут – другое. Вика – дитя.

– Она уже вполне сформировалась, – докторским тоном возразил жених.

– Сформировалась, – иронически протянула Алла, – у вас

езде медицина, но поймите, что она душой совсем ребенок, и к тому же воспитана на лампадках, поминаньях и просвирах. Имейте все это в виду. Молиться с ней, что ли, вы собираетесь?

– Почему знать, – с улыбкой ответил жених, желая обратить разговор в шутку.

– Ну, ладно, не говорите ерунды. Я ведь всецело на вашей стороне и только что чуть не повздорила с Ольгой Петровной, защищая, так сказать, ваши интересы. Не забудьте также, что у вас будет теща. Это тоже проблема. Я знала тещу, которая не позволяла дочери и зятю спать вместе, так что они тайком ездили в отельчики. Над ними смеялись, а они говорили, что это было даже интересно: точно любовники в законном браке, и, кроме того, запретный плод сладок. Когда тещу удалось сбить с рук, они еще некоторое время продолжали ездить в отели. Но шутки в сторону. Женщина до брака и после брака совершенно разные существа. Вам предстоит ужасный, так называемый «медовый месяц», в течение которого у мужа и жены еще нет общих интересов кроме самого низменного – полового. Про медовый месяц еще Толстой сказал: «И название-то какое-то подлое». Конечно, все знают, что между любовью и половым влечением целая пропасть. А у Вики, уверяю вас, как друг, нет ни того ни другого. Ни к вам и ни к кому вообще. Она еще совершенное дитя, хотя и «сформировалась», как вы только что изволили сказать.

– Дальнейшее формирование будет зависеть от меня.

– Это не так просто, как вы думаете... Настоящее чувство приходит лишь после первого страдания, – сказала Алла тихо, и черты ее лица на секунду омрачились. Она потушила папиросу и чуть заметно вздохнула. – Но почему мы стоим? Садитесь, пожалуйста, и курите.

Они сели по разные стороны курительного стола.

– Человек, никогда не страдавший, не представляет собой никакой ценности, никакого интереса, это – ноль. И в вашем случае возникает трудно разрешимая задача... Вы не можете намеренно причинять страдания Вике, а без страдания она останется бездушной девчонкой, живущей только удовольствиями. Да, перед вами очень трудная задача. Вы образованны, умны, но далеко не все достигается умом и образованием. Счастье это замысловатая игра. Большею частью это игра случая. Своего рода рулетка. Через час ваша рулетка придет в действие. Незримая рука пустит шарик навстречу ее вращению, и где он остановится? На руж или нуар? На счастье или на горе? И, кроме того, даже выигранное счастье требует ежедневной работы над собой, ежечасной, ежеминутной. Если вы действительно любите и если ваша любовь не прихоть...

Алла говорила с увлечением и даже раскраснелась, когда в гостиную вошел ее брат, отец невесты, Николай Степанович Мордовцев. Он взглянул на сестру с недоверием.

– Ты что? Никак кокетничаешь с чужим женихом? – спро-

сил он полушутливо. – Еще раз здравствуйте, мой дорогой, – повернулся он к жениху. – Что это она в такой ажитации?

– Алла Степановна дает мне наставления, над которыми и в самом деле не мешает призадуматься. Хотел бы я иметь такую сестру, как ваша.

– Приятно слышать. А что, скоро там будет готово? – спросил он, кивая в сторону, где расположена была комната невесты.

– Не знаю, – с легкой досадой ответила Алла, – там делают глупости. Ты знаешь свою жену. Недурно было бы и тебе тоже вмешаться.

Алла взяла брата под руку и вышла с ним в коридор. Жених не мог расслышать, о чем они говорили. До слуха его долетели лишь слова: «Ты сам мужчина, а потому поймешь меня скорее». Она вернулась в гостиную, а Мордовцев пошел смотреть, как убирают невесту.

Раздались звонки один за другим, и в гостиной появились шафера.

В семье держались старых традиций, которые требовали, чтоб шафера были холостые. Двух молодых, для невесты, нашли легко среди танцующей молодежи, так как они же должны были потом дирижировать танцами, – два выпускных юнкера: один кавалерист, другой пехотинец.

Для жениха выбор оказался труднее. Сверстники его были почти все женаты, а неженатые опустились, были неопрятны или пребывали в незаконном сожителе, что было всем

известно, а потому они не годились для свадебного церемониала. Доктор остановил свой выбор на двух приличных холостяках. Один из них – приват-доцент, всей душой преданный науке, был совершенно равнодушен к правилам светской жизни. Уступая настойчивым просьбам, он согласился быть шафером, как старый школьный товарищ жениха, но пришел в сюртуке, проеденном молью, что бросалось в глаза. Другой шафер, тоже давний товарищ по школе, был армейский капитан, большой балагур и любитель выпить. Из комнаты невесты вызвали портниху, которая тут же в гостиной, не теряя времени, начала чинить и подштопывать сюртук приват-доцента, он же, разгуливая в одном жилете по гостиной, с увлечением завел речь о щелочной реакции во время пищеварительного процесса.

– Голубчик, нам это хорошо известно, – остановил его жених.

– Вам... тебе – да, но военная молодежь, может быть, еще не знает. Свадебные обеды изобилуют тяжелыми азотными кислотами, – продолжал он свою речь, расхаживая взад и вперед, натываясь на кресла, которые по близорукости не замечал. – Моя тема как нельзя лучше соответствует текущему моменту. Алкоголь, жиры, сахар – все это углеводы; при усиленном выделении калорий они... – не унимался приват-доцент.

– Вы прямо душка! – перебил его капитан надтреснутым басом, подхватывая приват-доцента в объятия, когда тот спо-

ткнулся, потерял свое пенсне и чуть не упал. – Преклоняюсь пред наукой, пре-кло-няюсь, – гудел капитан, который был уже навеселе. – Смир-рно! Равнение направо, господа юнкера, – отдадим честь науке.

Юнкера криво улыбались. Кавалерист выпятил грудь, звякнул шпорами и поправил этишкеты. В этот момент в гостиную впорхнул целый выводок подружек невесты – все в белых платьях и шелковых туфлях, воздушные и грациозные, как райские птицы. Они поздоровались с женихом, делая книксен, и в зале сразу стало парадно и душисто.

– Адски шикарно, – шепнул кавалерист своему пехотному коллеге и снова звякнул шпорами. Приват-доцент скрылся за занавеской у окна. На него надели сюртук, но оказалось, что надо было еще прикрепить пуговицу, болтавшуюся на ниточке.

Вошел хозяин и, посмотрев на часы, объявил, что жениху с его шаферами пора ехать в церковь.

В передней произошла заминка. Когда жених надевал пальто, к нему подошла горничная и попросила его зайти на минутку в комнату Ольги Петровны. Жених пошел с неудовольствием, как был, – одна рука в рукаве пальто, другая на свободе. Он придерживал ею пальто за воротник, чтобы оно не съезжало.

– Надо же благословиться, разве вы не знали? – сухо сказала ему Ольга Петровна, стоя в дверях комнаты с иконой в руках. Невеста в белом платье, но еще без фаты стала подле

жениха.

– Опуститесь на колени, – важно приказала мать. – Николай Степанович, где ты? – позвала она мужа. – Стань рядом со мною.

Жених опустился на одно колено, придерживая рукой съезжавшее с плеча пальто. Невеста как-то присела, раскинув вокруг себя широкую белую юбку. Жениху было неловко: при отсутствии сердечности весь обряд показался ему неискренним и ненужным. Соблюдалась только форма. Мать невесты прочла какую-то молитву, жених ее не слушал. Он был занят мыслью, чтоб не съехало с плеча пальто при неустойчивом положении на одном колене. Ему сунули в лицо икону для поцелуя, но, впопыхах, он только ткнулся в нее носом, слегка оцарапав его серебряным венчиком ореола.

– Ну, теперь поезжайте, – сказал отец невесты. – С Богом. Доктор вышел, вздохнув облегченно.

– Оставь его лучше в покое, – ответил муж, – он не мальчишка, свою голову на плечах имеет, не нам его учить.

– Ты совершенно не думаешь о дочери. Каково будет ей с таким мужем?

– Отлично заживут, если ты не будешь вмешиваться.

– Ты всегда был равнодушен к моим религиозным чувствам, но сейчас я этого не допущу: дело идет о счастье нашей дочери.

– Оставь ее в покое, и она будет счастлива. Повесь икону на место. Чего брюзжишь с иконой в руках?

– Пожалуйста, не сажай с Викой в карету мальчишек юн-
керов, – вспомнила вдруг мать, – они могут помять ей пла-
тье, и вообще я считаю их общество слишком развратным
для нашей дочери. Во время венчания пусть подержат венец
над головой и на балу отпляшут, что полагается. После этого
к нам – чтоб ни ногой.

* * *

Хор, заливаясь, фигурно выводил слова прокимна «Поло-
жил еси на главах их венцы от камени честны». Это было
необычно дивно. Мاستитый отец Никодим терпеливо ждал.
Певчие увлеклись, и, казалось, никогда не кончат. Жених
украдкой поглядывал на невесту, сохраняя полное достоин-
ство. Вика, точно утонув в фате, казалось, не жила, но витала
в облаках блаженства. Она чувствовала, что взоры всех бы-
ли устремлены на нее, все любовались ею, никем другим, а
только ею. На жениха взглядывали лишь иногда, случайно, и
сейчас же снова на нее. И при этом взоры у всех как-то осо-
бенно, празднично, блестя. Иногда в толпе перешепнутся
и сейчас же опять во все глаза смотрят на нее.

Вика все это видела и была в полном упоении. От мысли,
что все здесь только ради нее и только для нее, сладко кру-
жилась голова. Николай Иванович, жених, казалось ей, был
здесь вовсе ни причем, со своим спокойным и даже равно-
душным лицом и с курчавенькой бородкой. Не для него же

все это происходит. Чем он все это заслужил? Хотя без него ничего этого не могло быть. Впрочем, тогда был бы другой. Стоило бы только ей захотеть. А потому, конечно, все это происходит только из-за нее и только ради нее. Глаза у нее блестящие и, как ей казалось, у всех тоже. Кто-то шепнул сбоку в толпе: «Какая хорошенькая, лакомый кусочек!» Отец Никодим строго покосил глазом на говорившего. Но Вика была счастлива. Конечно, она здесь самая красивая, самая главная, она – лакомый кусочек. Этот кусочек достался почему-то Николаю Ивановичу, бородатому мужчине, который стоит рядом. Заслуживает ли он такое счастье? Правда, он джентльмен, почтительно улыбается, приносит цветы и конфеты. Он будет исполнять все ее прихоти, покупать дорогие платья и драгоценности. Хватит ли у него на это денег? Ведь такой «лакомый кусочек», как она, должен очень дорого стоить. Муж обязан все положить к ее ногам. А она? Она все это будет принимать как должное, и больше ничего. Ведь она же лакомый кусочек. Стоит ей только захотеть – и ей начнут служить другие. Что это дьякон кричит так громко? И все громче и громче. Кричит так, что это становится даже не совсем прилично, и жилы у него на лбу надулись, вот-вот лопнут. Вика насторожилась и стала слушать.

– А ж-жена-а да убои-ится сво-е-го-о му-у-у-жа!..

И все улыбаются, у всех довольные лица, все с этим согласны. Значит, муж получит «лакомый кусочек» и спокойно будет его кушать, а я должна только слушаться и боять-

ся своего мужа. Это совсем неинтересно. Значит не он мне будет служить, а я ему. Как это может быть? Все на меня смотрят, все мною любят, и после всего этого я должна буду снять фату и служить мужу. Ну нет, это вздор. Этого никак не может случиться. У меня будет прислуга. А все-таки тут что-то не так. Например, если мне захочется пойти на каток с Колей Полюмовым – муж имеет право сказать: нет, сиди дома или пойдем вместе. Ты будешь кататься, а я буду смотреть, потому что сам больше не катаюсь. Это обидно. А юнкер Брянцев? Он так упоительно кружит меня в вальсе. Впрочем, танцевать с другими можно, но лишь в том случае, если позволяет муж. Но пусть попробует не позволить, я тогда...

Отец Никодим в эту минуту взял ее за руку и, соединив с рукой Николая Ивановича, начал водить их вокруг аналоя. Сзади кто-то суетился, подбирая ее шлейф. Юнкер Брянцев, держа над ней венец, ловко шел как-то боком, чтобы не зацепить за шлейф шпорами. Кругом все восторженно шептались: «Какая миленькая, какая хорошенькая, ну прямо картинка».

– И ты, невесто, возвеличися якоже Сарра, и возвеселися якоже Ревекка, и умножися, якоже Рахиль, веселищися о своем муже, хранящи пределы закона, зане тако благоволи Бог, – торжественно произнес отец Никодим, принимая от юнкера Брянцева венец, который он держал над ее головой.

– Поцелуйтесь, – сказал отец Никодим.

Вика сконфузилась и подставила мужу щеку.

Начались поздравления. В церкви все сразу задвигались и зашумели. Вика стояла на амвоне, точно принцесса на ступенях трона, и все целовали ей руку. Это было так интересно. Она сейчас точно царица. Она красивее всех и выше всех – перед нею послушная и покорная толпа. Один за другим к ней подходят совсем незнакомые люди, говорят ей ласковые и почтительные слова. Иные дамы ее целовали, но это было ни к чему. Ей хотелось преклонения, а эти поцелуи, да еще с фамильярным заключением в умиленные объятия, – этого не надо.

Наконец Николай Иванович, под руку с молодой женой, пошел через церковь к выходу. На паперти толпился народ. Все хотели взглянуть на молодых. Теснились и толкались так, что Вика даже испугалась: дойдут ли они до кареты.

Но дальше все пошло гладко. Карета благополучно доставила их в ресторан, где был приготовлен свадебный обед. Родители невесты встретили их на пороге. По старым правилам, которых они строго держались, они не присутствовали в церкви.

Зал быстро наполнился приглашенными. Все стали у своих мест. Отец Никодим благословил трапезу и сел по правую руку от новобрачных. Слева сели родители невесты. Все было, как в волшебной сказке. Нарядные гости, парадно убраный стол, красивая сервировка, масса цветов, хрустальные граненые бокалы.

Лакеи проворно наливали вина. Шаферов посадили напротив молодых, вперемежку с подружками невесты. Приват-доцент оказался как бы в плену между двумя хорошенькими девицами, которым капитан внушил занимать кавалера со всяким тщанием, как человека, которому известны все тайны природы.

Новобрачный стоически выдерживал свою роль. Сидя между молодой женой и тещей, он старался быть галантным и оказывать равно ласковое внимание к ним обеим, но это было вовсе не так легко. Вика сидела молча, с блуждающей улыбкой на лице. Она не слушала мужа. Ей были интересны только восторженные взоры, которые, как ей казалось, все время останавливались на ней. Ей этого хотелось, иного она не допускала. Она продолжала сознавать себя центром внимания, общим кумиром, и ласковые вопросы мужа только мешали ей наслаждаться чувством своего превосходства. Когда муж ей что-то говорил, она не отвечала, а только улыбалась блаженной улыбкой, обращенной не к мужу, а ко всем вообще.

Теща властным тоном изрекала какой-то вздор, который Николаю Ивановичу приходилось смягчать и поправлять, а потому он находился все время на чеку. Провозгласили первый тост за новобрачных, после чего упорно кричали – «горько»! Молодым вовсе не хотелось целоваться перед всеми, но гости не отставали до тех пор, пока они не уступили. Ольга Петровна с неудовольствием наблюдала сцену по-

целуя, впрочем, не очень добросовестного со стороны молодой, которая опять только подставила щечку.

– Совершенно неуместный обычай, – заметила по этому поводу мать своему мужу, – он развращает молодежь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.